

ХРИСТИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА СИРИИ IV – VII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ХРАМА ОБОРОННОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Харма Усама Мохаммад

магистр архитектуры

Лаврецкий Г.А.

кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Теория и история архитектуры»
Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена развитию образа храма оборонного типа в сирийской христианской архитектуре IV – VII вв. и его влиянию на западноевропейскую архитектуру. Наряду с базиликальным и центрическим типом, храмы-крепости нашли широкое распространение в архитектуре средневековой Европы. Церкви возводились с целью защитить людей. Храмы-крепости Сирии несут в себе черты нового понимания храмового пространства. Эта композиция повлияла на формирование образа христианского храма в Византии и Западной Европе.

Введение. На сложение архитектурного образа христианской базилики в Средневековой Европе большое влияние оказала сирийская архитектура IV – VII вв. Храм оборонного типа – особенное сооружение, соединяющее культовые и оборонительные функции. По своей сути храм всегда имел двойную сущность. С одной стороны – это дом Бога, где все наполнено сакральным смыслом высшей силы. С другой стороны, храм – духовная крепость. Европейское средневековье – время господства двух противоположных явлений-процессов: войны и религии. Это противостояние повлияло на образную и функциональную слагаемые материальной культуры, в частности архитектуру. В итоге, универсальный храм оборонного типа, являясь итогом длительного пути эволюции, опирается как на накопленный отечественный опыт, так и на примеры Ближнего Востока, в частности, Сирии – родины фундаментального христианского богословия. При этом необходимо учесть, что храм-крепость – один из образов, который широко распространен в Библии. В этом отношении сочетание элементов храма и крепости представляли пример уникального синтеза.

Основная часть. Храмы, имеющие образ крепости, возникли на основе развивавшихся в Сирии многообразных

планировочных схем и объемно-пространственных решений. В конечном итоге, сформировавшийся строгий по формам и ясный по функциональному зонированию храм приобрел широкое распространение. Фасады сирийских храмов оборонного типа имеют разное решение выступающих башен. Башни, как правило, квадратные в плане, выступают за границу стены. Это было обусловлено конкретным положением храма в системе города, обзором, возможностью подходов и круговой обороны. Башни возвышаются над массой здания. Высота башен обычно составляла полторы высоты стены храма, как и в крепостном зодчестве [1]. Одним из первых примеров формирования в Сирийской христианской архитектуре нового, крепостного типа храма является церковь в Хассе (Hâss) [2, p. 101; 155, tab. 65, 66]. В отличие от византийской системы формирования алтарной зоны, предусматривающей расположение справа от алтарной апсиды пространства протезиса (жертвенника), а слева – диаконника [3, с. 96–98], последний (Bêt-Diâqon) в сирийской церкви находится справа от санктуария (Qankê). Возможно, это связано с символикой помещений, примыкающих к главному алтарю и необходимостью соединения баптистерия (Bêt-`mâdâ) с ораトリумом (Bêt-Slotâ), в котором происходил контакт служителей с мирянами. В восточной части храма начинают формироваться пространства, которые при необходимости трансформируются в оборонные сооружения. Для оборонительных целей использовался верхний ярус, устраивавшийся непосредственно над алтарной зоной. Санктуарий в этой церкви имеет форму не полукруглой

апсиды, а глубокой прямоугольной ниши, имеющей общую с башнями восточного фасада стену. Стены базилики прорезаны множеством оконных проемов, имеющих разные параметры и простенки и никак не совпадающих с осями пространственных ячеек.

К этому времени в Сирии уже сооружались здания с четырьмя башнями на углах. Но это были непосредственно оборонительные сооружения. В это время политическая ситуация стала особенно опасной и нестабильной, что было характерно для восточных провинций Византийской империи, которые постоянно подвергались нападениям извне и в которых время от времени возникали всевозможные восстания и народные волнения. Поэтому с этой точки зрения понятна крепость сирийских зданий и большое количество башен, которые становятся необходимой составной частью архитектурных композиций. Базилики с угловыми башнями начали сооружаться с целью придания им дополнительной оборонительной функции. С другой стороны, это значительно расширяло символическое наполнение образа храма.

Подобное решение имеет и базилика в Бехиох (Behiōh) [2, p. 140, 155, tab. 137, 138]. По сравнению с церковью в Хассе планировка здесь более компактная. Устройство ораториума в виде своеобразной колончатой галереи, примыкающей к южной стене храма, способствует мобильности передвижения защитников храма-крепости. Церковь в Турманине (Tourmanīn), построенная в VI в. [2, p. 138–140; 155, tab. 130, 133], по мнению многих ученых, оказала большое влияние не только на формирование храмовой архитектуры оборонного типа в Западной Европе, но и на развитие базиликального типа храмов. Санктуарий (Qankē) имеет семичастное строение. С точки зрения символики чисел Библии, это значимый акцент, который вместе с остальными частями (и параметрами) составляет развитую богословскую программу. Возможно, на начальном этапе диаконникон (Bēt-

Diāqon) и баптистерий (Bēt-Gazzā) также имели башеннообразную композицию.

Исследователи византийской архитектуры утверждают, что именно сирийская христианская архитектура IV – VII вв. стала прототипом для предроманских и романских западноевропейских базилик, имеющих башни на углах. 2 башни, которые фланкируют главный фасад нашли свое богословское содержание и наилучшим образом оформили силуэт. Сирийские базилики стали образцом как для романских храмов Западной Европы, так и своеобразных ранних базилик Кавказа [4, с. 449]. При возведении ранних византийских монастырей зодчие во многом опирались на архитектурные традиции Сирии. Эти грандиозные ансамбли имели вид укреплений. Пример тому монастыри V и VI вв. Св. Саввы, св. Екатерины и др. монастыри на горах Синай и Афон. Соборы Европы также укрепляли. Их обносили стеной, включали в состав городских укреплений. Многие из храмов (Амьен, Суассон, Торс, Трир и др.) были связаны с гало-римскими укреплениями. Англо-романские соборы также укреплялись крепостными стенами. По словам графа Вальтеофа в 1072 г. замок Дарем был построен так, чтобы, «епископ со своими людьми мог оставаться в безопасности от захватчиков». Собор, возведенный на вершине холма, также имел оборонительные элементы и был частью всего крепостного комплекса. Ярким примером оборонительных укреплений храмов является собор в Линкольне, первоначальный фасад XI в. которого был перестроен в формах крепостных сооружений.

В XII – XV вв. в архитектурном облике многих приходских церквей, соборов, монастырей и погостов появились элементы оборонного зодчества. Это и массивные стены, башни с бойницами на углах сооружений, входы-порталы, оборудованные герсами (падающими решетками). Храмовые подвалы использовались как склады военного оснащения и продуктов, а в башнях размещались бойни-

цы, а в верхней части стен – световые щели. Такие храмы играли существенную роль в обороне городов. В документах XI в., касающихся строительства христианских храмов по всей Европе, утверждается, что монастыри выступали буферной зоной мира для враждующих сторон. Так, например, монастырь в Clairvaux d'Aveyron (Клерво д'Аверон) был построен как гарант мира между враждующими замками Panat и Cassagnes, которые располагались на вершинах холмов неподалеку от монастыря. В этой ситуации и архитектура непосредственно храмов на территории монастыря должна была соответствовать историческим условиям. И здесь, и во многих других сооружениях этого времени крепостной вид христианских святынь напоминает по объемно-пространственной композиции и планировочной схеме древние сирийские базилики крепостного типа.

С конца XI – нач. XII в. укрепление церквей развивалось параллельно с тенденцией придавать характер оборонительных сооружений светским постройкам. Кроме того, появилась необходимость включать храмовые сооружения в систему укреплений. Это делало силуэт замкового ансамбля более живописным, а также расширяло стилистический диапазон в архитектуре храмов. Их строительство велось в том же материале, что и крепостные укрепления. Это придавало христианским сооружениям особую монументальность. При этом необходимо учитывать локальные условия и место размещения. Так, в Эльзасе и Анжу коммуникации подземелий связывали непосредственно укрепления и церкви. Массивные, построенные из камня, церкви-крепости XII в. в Лангедоке, препятствовали угрозе, которая исходила от так называемых еретиков и пиратов. Их преемники, соборы XIII в. в Безье, Нарбонне и Альби продолжают традиции церковных укреплений южных провинций.

Укрепление существующих храмов и строительство новых с учетом их возможной оборонительной функции, как в

городах, так и в аббатствах, на протяжении всего периода Средневековья проводилось во всех регионах Европы. Часто в северных странах храм строился в формах, характерных для стилевого направления данного времени и местных строительных традиций, при этом фортификационные сооружения окружали святыню. Такая практика была распространена в XIV в. В этот период территория Северной Франции и Фландрии были подвержены как внутренним беспорядкам, так и внешней агрессии, что стало причиной не только повышения обороноспособности территорий, но и организации непосредственно собственных гарнизонов в церквях и монастырях. Хроники Gandenses, которые описывают историю противостояния между этими странами с 1296 по 1310 гг. упоминают документально существование там укрепленных церквей. Так, в одном из текстов, посвященных событиям 1304 г. говорится, что группа фламандских победителей вернулась в собственные земли и обнаружила так церковь «укрепленную и обеспеченную французским гарнизоном».

Военные характеристики церквей крепостносцев были обусловлены желанием обеспечить преимущество правящего христианского меньшинства, и зримо засвидетельствовать приоритет по отношению к восточным соседям и провозгласить победу над мусульманством. Собор Богоматери в Тартусе начали строить в XII в. как церковь-крепость с характерными для этого типа сооружений толстыми стенами, маленькими окнами-амбразурами и щелями для лучников. Апсиды и два восточных пролета собора были окончены до захвата города Саладдином в 1188 г. В XIII в. храм стал паломническим центром и получил достаточно средств, которые позволили завершить строительство нефа с толстыми массивными стенами и маленькими окнами, что повторяло пример XII в. В 1265 г. угроза захвата укрепленного монастыря была довольно велика, и это вынудило владельцев согласиться с частичным разру-

шением собора с фортификационными целями. Однако сам собор укрепили в алтарной части, особенно в апсидной башне. После этого он был включен в оборонительную систему города.

Новая волна массовых укреплений и перестроек храмов началась в период Столетней войны (1337 – 1453 гг.). Как прихожане, так и священники, и монахи искали всевозможные пути обороны своих святынь от разграбления английскими войсками и мародерских банд наемников. Многочисленные хроники тех лет свидетельствуют о том, что церкви переустраивались в убежища для населения и защитников городов. Так, жители Кастельнодари (регион Лангедок) укрылись от врагов в церкви Сен-Мишель, однако англичане атаковали и напали на них. Когда отряд фламандцев захватил укрепленную церковь Ньюэль, они таким же образом подожгли церковь в которой находилось ок. 6000 человек. В некоторых случаях укрепленные храмы оказали более эффективное сопротивление врагу. В этот период башни и крыши-платформы были специально приспособлены для обороны, мощные крепостные стены и умелое стратегическое размещение многих европейских городских храмов усиливали их военный потенциал. Изобретение и активное использование огнестрельного оружия убедительно показало актуальность и дееспособность храмов крепостного типа. Их толстые стены выдерживали и пушечные атаки, и огневые стрелы, а высокие башни позволяли контролировать прилегающие территории.

Укреплению часто подлежали храмы, которые хотя и не выполняли какой-либо стратегической функции, или имели неудачное в этом отношении положение, однако владели значительными сокровищами, реликвиями и высокохудожественными изделиями, которые необходимо было оберегать от разграбления. Укрепив храма, священники стремились сберечь церковное имущество. Во время войны церкви-крепости выполняли не только оборонительную функцию, но и были

хранилищем для продуктов и имущества, а также убежищем для населения. Это вызывало у нападавших еще больший азарт и желание захватить крепость. Женский монастырь Ла Тринита в Кане стал укрепленной цитаделью в 1359 г. и был укреплен стенами и рвом, а монахини были вынуждены содержать на территории монастыря гарнизон, как для собственной безопасности, так и всего региона. Исторические условия для каждого региона были уникальные, но храмы оборонного типа наилучшим образом демонстрируют нам, насколько красноречивым ответом они были на наиважнейшие политические и культурные события того времени.

Заключение. Анализ сирийских храмов оборонного типа в общеевропейском контексте показал, что оборонная функция храмовой архитектуры находилась в тесной связи с богословским образом храма и его архитектурным обликом. В качестве основного источника такого типа храмовой архитектуры Византии и Западной Европы могла быть сирийская христианская архитектура периода раннего средневековья. Соединение светской, религиозной и оборонной сфер жизни и соответствующих функций, ярко проявившееся в строительстве церквей-крепостей стало отличительной чертой архитектуры Западной Европы эпохи Средневековья. Такие сооружения возводились с самого основания или перестраивались из существующих построек во всех европейских странах. Впоследствии появилась практика и перестройки небольших крепостей в храмы с сохранением элементов оборонительных сооружений.

Литература

1. Шперк, В. Ф. *История фортификации* / В. Ф. Шперк. – Москва: ВИА, 1957.
2. Vogüé, L. *Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse du I au VII siècle. V.1 / Le C De Vogüé.* – Paris : J. Baudry, Libraire-Éditeur, 1865 – 1877. – 135 p.
3. Walter, C. *The Byzantine Sanctuary* / C. Walter – *Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII международного съезда византинистов (Москва 8 – 15 авг. 1991) и др. материалы, посвященные памяти о. И. Мейендорфа* / Под ред. К.К. Аментьева. – СПб. : Византиникороссика, 1995. – С. 95 – 106.

4. Брунов, Н. И. *Очерки по истории архитектуры* / Н. Брунов, – М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. – 540 с.

SYRIAN CHRISTIAN ARCHITECTURE OF IV – VII C. AS A SOURCE OF FORMATION OF THE IMAGE OF THE TEMPLE OF THE DEFENSE TYPE IN WESTERN EUROPE

**Harma Osama Muhammad
Master of Architecture**

The article is devoted to analyze of one of the interesting and unusual types of Syrian Christian architecture, that took place in IV – VII cc. It contains as ele-

ments of churches and fortress. There were Latitudinal, basilical, central compositions developed in Syria at that time. Planning was based on employment of principle of compatibility of small elements and the whole shape. Temples were erected to protect the people. Syrian Christian architecture of that time had a great influence on development of Byzantine and Western European culture. Syrian churches-fortress of IV – VII s. included elements of new trends in church space. Such composition influenced on creation of christian church image in the Western Europe.

Поступила в редакцию 22.01.2019 г.

УДК 72. 03(476)

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА И ЛАНДШАФТ

Шамрук А.С.

доктор искусствоведения

ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»

В статье рассматривается разнообразие подходов к взаимодействию архитектуры с природными ландшафтами на протяжении XX – начала XXI в. Анализируется влияние на формирование этих подходов концепций модернизма, постмодернизма, идей феноменологии, новейших научных и философских теорий, современного художественного контекста. Делается вывод о том, что взаимосвязи с природным окружением расширяют возможности воплощения в архитектурном творчестве философских и художественных смыслов.

Введение. Архитектура в своих отношениях с ландшафтом не только ищет гармонии искусственных и природных форм, но и использует его в раскрытии собственных художественно-эстетических, семантических, метафизических смыслов. Подходы к взаимодействию с природным окружением изменяются на протяжении истории и определяются общим ходом процессов в архитектуре. В разные периоды возводятся сооружения, подчиняющие себе природное окружение, трансформирующие его в искусственный урбанистический ландшафт, растворяющиеся в среде и создающие эффект непрерывного перетекающего пространства, артикулирующие характерные качества ландшафтов и выявляющие скрытые в нем смыслы, уподобляющиеся природным структурам, включающие в свою структуру искусственно созданные фраг-

менты природы. Выявление характера взаимодействий архитектуры с ландшафтом помогает понять концептуальные идеи и художественный язык зодчества.

Основная часть. Пространственная концепция модернизма предопределила такие особенности архитектуры как независимость от окружающего контекста и непрерывность пространственного континуума. Перетекающее пространство с открытыми перспективами, единством внутренней и внешней среды в модернистских постройках подчинено идее переосмысления традиционных основ классической архитектуры – в зданиях с большими проемами и остекленными фасадами, в градостроительных структурах жилых районов и городских ансамблей.

Манифестом этой концепции стали частные виллы с полностью остекленными фасадами – дом Фарнсуорт (США, 1946–1951, Мис ван дер Роэ), дом в Нью-Канаан (США, 1949, Ф. Джонсон). Этих культовые для архитектуры XX в. здания в чистом виде воплощают идею растворяющихся в пространстве домов, реализуя собственные представления зодчих о жизненном пространстве человека. Снятие границ внутреннего и внешнего пространства и потеря архитектурой матери-